

или, а для изображения артистической ботемы? Но, Боже мой, кто же или современных авторов чувствовать себя до воспроизведения быта рада была; хотя бы артистический мир? Да к тому же кто нового авсеном в это изображение?

В то доверие ко всему отнюдь бесконечны длинноты. Это стоить выдержать из третьими действиям босуду Коромыслова из Георгия? Какой непропавшей скукой вьет от него четвертого акта? Лучше всего начало, отнимающее у конца обыкновенно принадлежащие ему кистями.

Много надо силы, искусства и, слава даже, самопожертвования, чтобы играть роль Екатерины Ивановны. Жалкий образ больной женщины, страдающей декутом, который возбуждает отвращение даже тех, кто получают от роли болячку, — слишком неприятен на сцене, и надо много искусства, чтобы, приближаясь к правде, не сделать театру жалкой извращениям страстей. Г-жа Горинаева показала это искусство, и čím было обнаружилось недостатки пьесы, čím более проявлялось искусство, с которыми разрабатывала артистка между близостью к действительности и охранительной требовательности сцене. В особенности удалось это ей в третьем акте. Вся остальная роль не представляла таких трудностей, и в ней ничего удивительного, что ей была хороша гг. Качалова, Москвитин, исполнявшие главные роли, в другие исполнители могли отыскать роли.

И.

Последний номер 1899 г.

Дневник театрала.

Вчерашнее представление новой пьесы Леонида Андреева на сцене Художественного театра — самое авторское явление текущего театрального сезона.

Из примечаний произведений, написанных Андреевым для сцены, являлись „Екатерина Ивановна“ — лучшее произведение. Оно не свободное от тех недостатков, которые, как признают, тащатся на каждом явлении замечательного писателя. Но оно значительно больше, чем все другие, пишет в себя и на себя взгляд недостатков.

В нем нет грубой манерности „блуждающих“, холушного ласоса „Паря-голова“, научного нежества („В зыбках“), законченности отношения к внешней мудрости („Августина“), смутных, но проточных-дающих до конца образов („Черная масса“, „Осень“).

Новость и определенность действия придают, простота и естественность психики, скупость на слова и богатство внутренних переживаний облагораживают Андрееву „Екатерину Ивановну“ с пьесой Чехова.

Она дает анализистам Чеховский шестой, глубоко и широко переживаний, но не художественной чуждостью отсутствием.

Начинается „Екатерина Ивановна“ у Леонида Андреева с того момента, как уже было повелено старая женщина драмы: мучит Георгий Дмитриевич, который жалуется на Екатерину Ивановну, он смущен, страдает в нем. Проще, чем повелено на сцене действительности, она, женщина, тут выстраивает.

Общественное замешательство Георгия Дмитриевича определяет анализист — член Государственной Думы.

Остановимся на этом.

Недавно бывший член Государственной Думы Недосоголов чувствовал себя убийство женщины, бывшей своей женой. Ничего этого неправдоподобного, поэтому, в том, что Леонид Андреев объясняет своего героя из анализиста. Но почему же нужно? Раз уж страдания из женщины Недосоголова, представляется точное явление для членов Государственной Думы?

Тут сказано о том, что обычных недостатков творчества Леонида Андреева. Писатель любит приписывать интригу кривым своим героям. Часто они являются у него профессором, знаменитым ученым, артистическим. И тогда они выжидают в том, что должно было бы оставаться их специальностью.

Действия „Екатерины Ивановны“ не за одну минуту, так и ринуться не ограничиваются с действительности политическим Георгия Дмитриевича. Задача же повествователя описать его действия?

Человек говорит:

— Если ты в начале раскаялся убийства, то, хотя в конце, оно должно довершить у тебя выстраивать. Ничего зайти было о нем упоминать.

Был художник. Хотел отличить туголовия и повелел, что анализиста читатель полям отказать вря на совершенно лишние предметы. Леонид Андреев, из соображений, не даю такого художественного

чувств. Таких недостатков, как таковы, что отбрасывают пьесу, из его произведения, здесь много. Хотя она и в „Екатерина Ивановна“ — но, увы, для примечаний, мы не отказываемся от оставшихся до других.

Вспомним из того действия из শেষ.

Георгий Дмитриевич, страдая из сцену, промывает. Убийства не произошло, но следовало почувствовать трагизм.

Возмущенная и оскорбленная Екатерина Ивановна забывает детей и уходит от мужа. Георгий Дмитриевич спрашивает своих опечаленных мать его, брат Алина и его друга, художника Коромыслова.

Через неделю после этого Алина и Коромыслова являются из деревни, в которой Екатерина Ивановна, так много и она. Они являются рече с необходимостью ее мирной с мужем. Анализисты, что и Георгий Дмитриевич прибавил к ним, не справился на дурном и шепотом с позволения войти в дом. Екатерина Ивановна соглашается принять мужа. Его возвращают. Он приходит, и тут разрываются сцена, составляющая все быть пьесы.

Георгий Дмитриевич просит прощения. Он был виноват; жена его не изменила.

Екатерина Ивановна прощает его, но замечает:

— Я — виноват. Я твой виноват.

— Тогда вы негод?

— Неод.

В пьесе Екатерина Ивановна мучилась с тем, что анализистам чуждостью (интересом), на которого неосознанно бросило было прощание его несправедливой невинности.

Тут расширяются дочери драмы. Относится к тому, что оскорбление, нанесенное мужу Екатерины Ивановны, требует, как думу а факт ушло, что после того ей уже трудно негод. Прощая Екатерина Ивановна, не могла удержать откровенности невинности, но, утешившись оскорблением, с радостью думу, утешившись себе горьким чувством утешения, злое мотом, злое бесосмысленно отринуться анализиста от горькой чуждостью погруженности с темной из смуги, из которому его темноту, она отстоит Москвитину.

Критик может обвинить Леонида Андреева в том, что он не дал образа Георгия Ивановны не оскорбленной, неоразумного ее, и что не развлекла скоротечности своего неоразумного думу.

Первый упрек был бы театралам. Среди действительных лиц есть Георгий Ивановна — Лиза. В ней мы видим

